

> МАГИСТРАЛЪ >

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Белая гвардия

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Иллюстрации *Алексея Дурасова*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Булгаков, Михаил Афанасьевич.

Б90 Белая гвардия / Михаил Булгаков. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-186029-5

«Белая гвардия» — захватывающая семейная сага Михаила Булгакова, в которой автор частично изобразил историю собственной семьи, роман о социальной катастрофе, об исчезновении целого уклада жизни, которого больше никогда не будет. Любовь и предательство на фоне гражданской войны, вера и отчаяние, страх и безудержная отвага — все это Булгаков передал простыми и понятными сердцу каждого словами. Этот роман — «Война и мир» начала XX века, равный по замыслу шедевру Льва Толстого, пронзительный и лиричный.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186029-5

© Булгаков М.А., наследники, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

«БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» МИХАИЛА БУЛГАКОВА

В сентябре 1921 года Михаил Булгаков приехал в Москву и вместе с женой Татьяной Лаппа поселился на Большой Садовой улице, 10, в коммунальной квартире № 50. Здесь он задумал и начал писать роман о Гражданской войне. Работать Михаилу Булгакову приходилось по ночам, когда затихала шумная коммуналка. Татьяна Лаппа вспоминала позднее: « <...> любил, чтоб я сидела около, шила. У него холодели руки, ноги, он говорил мне: «Скорей, скорей горячей воды»; я грела воду на керосинке, он опускал руки в таз с горячей водой...» В декабре 1922 года на страницах просоветской берлинской газеты «Накануне» появился фрагмент будущего романа «Белая гвардия» — рассказ «В ночь на третье число» с подзаголовком «Из романа „Алый мах“». По предположению Мариэтты Омаровны Чудаковой, этот же рассказ Михаил Булгаков, скорее всего, отдал для несостоявшегося в итоге коллективного романа о Гражданской войне, анонсированного в следующем, 1923 году, в котором помимо Булгакова были заявлены еще двенадцать писателей. Несмотря на то что работать над романом Булгаков мог только урывками в свободное от службы в газете «Гудок» время, к лету 1923 года роман он закончил. Об этом Булгаков писал своему другу Юрию Слезкину, извещая о своих литературных делах: «Роман я кончил, но он еще не переписан, лежит грудой, над которой я много думаю. Кое-что исправлю». Дальше перед писателем встал вопрос — где печатать? Какое издательство могло взять на себя риск напечатать роман, где сочувственно изображаются белогвардейцы? Издатель и друг Булгакова Николай Ангарский, издавший пове-

сти «Дьяволиада», «Роковые яйца» и пытавшийся опубликовать «Собачье сердце», роман печатать отказался, о чем ему потом с легким укором писал Максимилиан Волошин: «Я очень пожалел, что Вы все-таки не решились напечатать «Белую гвардию» <...> эта вещь представилась мне очень крупной и оригинальной; как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Толстого и Достоевского». Булгаков вел переговоры с разными издательствами и редакциями, и в итоге напечатать роман у себя в журнале «Россия», а потом и отдельной книгой, взялся энергичный редактор Исай Лежнев — эту драматичную историю Булгаков описал в повести «Тайному другу» и романе «Записки покойника» («Театральный роман»).

В апреле 1924 года Булгаков заключил с Лежневым договор на публикацию романа в журнале и отдельной книгой, но уже летом начинает сомневаться, что увидит книгу «Белая гвардия»: «Уверен, что «Гвардия» останется у меня на руках. Словом — черт знает что такое» (запись в дневнике Михаила Булгакова от 25 июля 1924 года).

Пока шли переговоры об издании романа, Булгаков читал его друзьям в узком кругу и выступал с чтением в литературных кружках — роман, по его словам, «производил впечатление». Первая часть «Белой гвардии» была напечатана в конце 1924 года в четвертом номере журнала «Россия» (на самом журнале значился 1925 год). Для Булгакова это было большое событие, которое он отметил в дневнике 27 декабря: «У газетчика случайно на Кузнецком увидел 4-й номер «России». Там первая часть моей «Белой гвардии», т.е. не первая часть, а первая треть. Не удержался и у второго газетчика на углу Петровки и Кузнецкого купил номер. Роман мне кажется то слабым, то очень сильным. Разобраться в своих ощущениях я уже больше не могу. Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение. Так свершилось». Роман был посвящен второй жене писателя, Любови Евгеньевне Белозерской, и это вызвало горькое разочарование Татьяны Лаппа, проведшей с писателями самые тяжелые годы на Большой Садовой, когда он писал «Белую гвардию». Позднее она рассказывала, как Булгаков принес ей журнал и на ее вопрос

о посвящении сказал: «Она <меня> попросила. Я чужому человеку не могу отказать, а своему — могу...» Татьяна Лаппа бросила ему журнал под ноги: «Ну и забирай свою книжку».

Весной 1925 года в пятом номере журнала «Россия» вышло продолжение романа, но без финальных глав. Окончание романа Михаил Булгаков сдал Исаее Лежневу в августе и стал ждать выхода шестого номера с заключительной частью «Белой гвардии». Но публикация не состоялась, номер так и не вышел — журнал закрылся по экономическим причинам. Финальная часть романа оказалась в руках у Захария Каганского, второго издателя «России». Это важное имя для сложной издательской судьбы романа — в 1925 году Булгаков заключил второй договор на издание «Белой гвардии» отдельной книгой в издательстве «Россия» с Захарием Каганским. Позднее этот договор стал причиной многомесячных запутанных разбирательств, связанных с правами на роман, которых Булгаков лишился. К осени писатель обнаружил, что положение его оставляет желать лучшего — роман в журнале не допечатан, машинопись с финальными главами писателю не возвращают, издатель Каганский уехал за границу, а отдать текст другому издательству Булгаков не имеет права согласно подписанному договору. В октябре Михаил Булгаков подал заявление в конфликтную комиссию Всероссийского союза писателей с просьбой решить юридические вопросы: «Прошу дело о печатании «Белой гвардии» у Лежнева разобрать и защитить мои интересы». В ноябре состоялось заседание — Булгаков давал показания по существу дела, но распутать его так и не удалось. В автобиографической повести «Тайному другу» Булгаков, пересказывая эту историю, написал: «Причем пять взрослых мужчин, разбирая договоры — мой с редактором, редактора со страдальцем, мой с Рвацким и редактора с Рвацким, — пришли в исступление. Даже Соломон не мог бы сказать, кто владеет романом, почему роман не допечатан». Исследовательница Мария Владимировна Мишуровская, тщательно изучившая все документы вокруг этого дела, пришла к выводу, что правда была все-таки на стороне Захария Каганского, так как согласно примечанию к четвертому пункту договора между

Булгаковым и Каганским издательство «Россия» получало преимущественное право на второе издание романа. Ситуация еще больше осложнилась в 1926 году. «Белая гвардия», напечатанная без окончания в журнале «Россия», осталась незамеченной критикой и читателями, чего нельзя сказать о спектакле «Дни Турбиных», поставленном по пьесе, написанной Булгаковым на основе романа. Премьера спектакля на сцене МХАТа 5 октября 1926 года оказалась ошеломительно успешной — Булгаков буквально проснулся знаменитым. Триумфальная постановка МХАТа вызвала в Европе большой интерес и к роману «Белая гвардия» — за границей начали появляться новые издания, которые Булгаков не мог контролировать и тем более не мог получить за них гонорар.

Первые одиннадцать глав романа, обозначенные как том первый, были опубликованы за рубежом в 1927 году парижским издательством «Concorde» без ведома Булгакова (на этом издательство закрылось, не издав больше ни одной книги). Почти сразу появилась и пиратская перепечатка — в Риге вышли те же главы романа и фальшивый финал, написанный неизвестным автором. Как удалось выяснить Марии Владимировне Мишуровской, этот финал был написан по канве текста пьесы «Дни Турбиных», находившегося в рижском Театре русской драмы. Скорее всего, рижские издатели заторопились после появления заметок в прессе о скорой публикации финальной части «Белой гвардии». Это издание с досочиненным финалом, как нетрудно догадаться, вызвало особенное возмущение Булгакова.

Спустя два года в Париже был издан второй том под названием «Дни Турбиных» («Белая гвардия»), подготовленный уже при участии Михаила Булгакова, переработавшего финал романа. Как только книга вышла, в Риге снова молниеносно появилась пиратская перепечатка, испортившая продажи официального парижского издания. Об этом Булгакову писал из Парижа переводчик Владимир Биншток: «К сожалению, рижская гнусная перепечатка Вашего второго тома испортила все дело; так как они продавали свое издание за 10 франков вместо 15-ти, то повсюду покупали это издание, а не Ваше».

Долгое время финальные главы, предназначенные для публикации в 1925 году в шестом номере журнала «Россия», считались утраченными — машинописные листы с окончанием романа неожиданно обнаружались лишь в 1990-е годы. Машинопись финальной части «Белой гвардии» сохранилась, по-видимому, лишь потому, что редактор журнала «Россия» Исай Лежнев на обороты листов наклеивал газетные вырезки своих статей.

О сюжете с обнаружением машинописи романа Мариэтта Омаровна Чудакова подробно рассказала в статье 1992 года «Необыкновенные приключения рукописи»: именно к ней пришел владелец листов с машинописью романа на одной стороне и газетными вырезками на другой. Много лет работавшая с архивом Булгакова Мариэтта Омаровна определила «руку Булгакова» в правках к машинописи. Изучив текст, она пришла к выводу, что эти финальные главы были «острее» и «непроходимее», чем более поздняя версия, предназначенная для парижского издания 1929 года.

Постановка «Дней Турбиных» на сценах заграничных театров, сопутствующий спектаклям интерес к роману «Белая гвардия» сделали Булгакова международной звездой, но в советской России к концу 1920-х годов он приобрел прочную репутацию белогвардейца, антисоветчика и контрреволюционера. Первая полная отечественная публикация романа состоялась усилиями вдовы писателя Елены Сергеевны только в 1966 году.

Мария Котова

*Посвящается
Любови Евгеньевне Белозерской*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло.

— Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!
«Капитанская дочка»

И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...

I

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс.

Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?

Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжелых походов, службы и бед вернулся на Украину в Город, в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго, что на Взвозе.

Когда отпевали мать, был май, вишневые деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна. Отец Александр, от печали и смущения спотыкающийся, блестел и искрил-

ся у золотеньких огней, и дьякон, лиловый лицом и шеей, весь ковано-золотой до самых носков сапог, скрипящих на ранту, мрачно рокотал слова церковного прощания маме, покидающей своих детей.

Алексей, Елена, Тальберг, и Анюта, выросшая в доме Турбиной, и Николка, оглушенный смертью, с вихром, нависшим на правую бровь, стояли у ног старого коричневого святителя Николы. Николкины голубые глаза, посаженные по бокам длинного птичьего носа, смотрели растерянно, убито. Изредка он возводил их на иконостас, на тонущий в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик бог, моргал. За что такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облегчение?

Улетающий в черное, потрескавшееся небо бог ответа не давал, а сам Николка еще не знал, что все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему.

Отпели, вышли на гулкие плиты паперти и проводили мать через весь громадный город на кладбище, где под черным мраморным крестом давно уже лежал отец. И маму закопали. Эх... эх...

Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник», часы играли гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как

искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос, и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий.

Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду scarлатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовой, Капитанской Дочкой, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, — все семь пыльных и полных комнат, вырастивших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила:

— Дружно... живите.

Но как жить? Как же жить?

Алексею Васильевичу Турбину, старшему, — молодому врачу — двадцать восемь лет. Елене — двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу, — тридцать один, а Николке — семнадцать с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже. Вернулся старший Турбин в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром. Ну, думается, вот